

Они начали копать подъ ограду. Они, говоритъ, главастые и рогастые, не скоро пролѣзутъ; я и полѣзъ прежде ихъ. Они за мной полѣзли; я ихъ всѣхъ по одному перерубилъ; вотъ и язычки отъ головъ.» Показываетъ ей язычки; царевна и приказала подать шампанское.

«Пошелъ я, говоритъ, дальше. Иду, вижу: на часахъ солдатъ стоитъ. Я отрѣзалъ у него клочекъ отъ платья. Вотъ и клочекъ!—Пришелъ во дворецъ; во дворцѣ всѣ спятъ. Вошелъ я въ царскую спальню: царь маленькій, а царица высокаго роста. Я взялъ скатерть. Вотъ она!—Потомъ мнѣ желательно было посмотрѣть на царскую дочку. Пришелъ въ ея спальню; снялъ у ней съ руки перстень. Вотъ онъ и перстень. И какъ она, говоритъ, на васъ похожа.»

Царевна сейчасъ послала курьера къ своему отцу, чтобъ привести одно царское платье, другое генеральское и чтобы самъ царь ѣхалъ встрѣчать зятя. Приѣзжаетъ царь и привозитъ платье. Царь видитъ, что зять его красивый мужчина, такъ былъ радъ. Поѣхали во дворецъ, повѣнчались, стали жить да поживать.

(Записана мной въ с. Плуталовъ Зарайскаго уѣзда.)

ВОЛШЕБНИЦА И ЗОЛОТАЯ УТКА.

Жилъ былъ мужикъ; у него была дочь. Одинъ разъ пошелъ мужикъ въ поле хлѣбъ убирать и говоритъ: «жепа! пришли мнѣ въ поле обѣдъ съ дочерью.» Приходитъ полдень. Дочь взяла обѣдъ и понесла къ отцу. Идетъ она мимо рѣки и видитъ: у берега щука кружится въ водѣ. Она ее поймала, хочетъ взять съ собой. Щука и говоритъ ей человѣческимъ голосомъ: «не бери меня, красная дѣвица! Пусти лучше въ воду; я тебя сдѣлаю счастливою.» Дѣвушка

ка и говорить ей: какъ же ты это сдѣлаешь?—«А вотъ, говорить, какъ: если ты заплачешь, у тебя изъ глазъ посыплется жемчугъ; а если засмѣешься, бриліанты.» Дѣвушка ей не повѣрила. Щука велѣла ей засмѣяться. Она засмѣялась—и посыпались у ней бриліанты. Она взяла и пустила щуку.

Приходитъ она (дѣвушка) къ отцу; отецъ началъ ее бранить (за то), что долго не приносила обѣдать. Дѣвушка заплакала—и посыпался у ней изъ глазъ жемчугъ. Отецъ удивился, спросилъ у ней о всемъ. Она ему все рассказала. Прошло съ тѣхъ поръ малое время, мужикъ съ дочерью стали люди богатые, а эта дѣвушка красавица.

Проѣзжалъ чрезъ эту деревню, гдѣ они жили, царскій сынъ и увидалъ онъ эту дѣвушку. Полюбилъ онъ ее; выпросилъ у своего отца, у царя, позволеніе; женился на ней. Стала она жить во дворцѣ и зваться царицей. При дворѣ жила одна волшебница съ дочерью; и этой волшебницѣ очень хотѣлось свою дочь отдать за царскаго сына, а онъ женился на другой, на этой дѣвушкѣ. И захотѣлось ей извести эту царицу.

Сдѣлалась въ то время война; царь самъ поѣхалъ съ войскомъ на войну и приказываетъ фрейлинамъ: «смотрите! Если будетъ царица, жена моя, скучать безъ меня, сейчасъ же напишите ко мнѣ письмо. И утѣшайте, и берегите ее пуще глазъ своихъ!» Уѣхалъ царь. Фрейлены стали развлекать царицу разными веселостями, чтобы она не тосковала о мужѣ. Однажды пріѣзжаетъ къ ней волшебница и стала просить ее къ себѣ въ баню вымыться. Фрейлены долго не соглашались отпустить ее, а наконецъпустили. Волшебница привела къ себѣ въ баню царицу, обратила ее въ золотую утку и пустила по бѣлому свѣту; а вмѣсто нея привела во дворецъ свою дочь. (Она была очень похожа

на царицу). Фрейлины ее не узнали и приняли ее вмѣсто царицы. Скоро послѣ того пріѣхалъ царь; сталъ распрашивать у фрейлинъ: «не скучала ли безъ меня царица?» Онѣ говорятъ: нѣтъ. И сталъ онъ (царь) съ ней жить, какъ жилъ съ прежней женой.

А между тѣмъ та царица, какъ обратила ее волшебница въ золотую утку, полетѣла отъ бани, куда глаза глядятъ.

Устала, сѣла на рѣку отдохнуть и плаваетъ по ней. А мимо этой рѣки шли царскіе охотники и увидали они, что плаваетъ утка вся золотая; зарядили ружья, выстрѣлили—не убили. Въ другой разъ выстрѣлили—не убили; и въ третій разъ тоже; сколько ни стрѣляли, никакъ не могли ее убить. Лишь только выстрѣлятъ, она поднимается къ верху изъ воды; пролетятъ пули, снова сядетъ на воду. Пошли охотники, докладываютъ царю объ этой уткѣ. «Плаваетъ, говорятъ, на рѣкѣ утка вся золотая, и сколько мы въ нее не стрѣляли, никакъ не могли ее убить!» Пошелъ самъ царь, хочетъ ее подстрѣлить. Приходитъ къ рѣкѣ; сколько ни стрѣлялъ, никакъ не можетъ ее убить; съ досады плюнулъ на берегъ. Вдругъ эта утка подлетѣла къ берегу, схватила его сляуны и полетѣла. Прилетѣла къ лѣсу, ударилась о землю, сдѣлалась по прежнему женщиной и родила двухъ прекрасныхъ малютокъ и говоритъ имъ: «дѣти мои милыя! отнесу я васъ въ царскій дворецъ, посажу на дворѣ; сидите и играйте тамъ!» Дала она имъ по золотому яичку и велѣла имъ никому не показывать эти яички.

Между тѣмъ царь задалъ пиръ своимъ министрамъ и вельможамъ; веселье такое идетъ. Среди пира выходитъ царь на дворъ освѣжиться и видитъ: два прекрасныхъ мальчика играютъ на дворѣ. Приказалъ онъ ихъ принести къ себѣ и спрашиваетъ ихъ: чьи вы, малютки?—А яички, благословенье матери-то, за нихъ отвѣчаютъ: «маменькины!» А гдѣ

ваша маменька?—Яички и говорятъ за нихъ: «мы не знаемъ.» Царь приказалъ ихъ оставить у себя и очень полюбилъ ихъ. Услыхала объ этомъ волшебница и приказала своей дочери извести этихъ малютокъ. Вотъ приходитъ ночь. Уложилъ царь малютокъ спать въ особой комнатѣ и пошелъ самъ спать. Немного погодя приходитъ къ малюткамъ царица и спрашиваетъ ихъ: что, малютки, спите? А они давно спали; только яички за нихъ и отвѣчаютъ: нѣтъ! Опять немного погодя подходитъ царица, спрашиваетъ ихъ: что, малютки, спите?—Яички отвѣчаютъ: нѣтъ, говорятъ. Въ третій разъ подходитъ царица, спрашиваетъ ихъ: что, малютки, спите?—Яички-то и молчатъ, потому что время было за полночь, а послѣ полуночи онѣ не говорили. Царица взошла къ нимъ (малюткамъ) въ спальню, зарѣзала ихъ и дала имъ въ руки по ножичку, чтобъ подумали, что они сами зарѣзались.

На другой день проснулся царь рано и пошелъ провѣдать малютокъ. Увидалъ, что они зарѣзались и началъ горько плакать. Потомъ приказалъ вынести ихъ въ церковь и нанялъ дьячка читать псалтырь и не велѣлъ ихъ до трехъ дней хоронить. Приходитъ ночь; читаетъ дьячекъ псалтырь. Вдругъ церковь освѣтило—влетѣла утка, ударилась о полъ и сдѣлалась царицей. (А дьячекъ зналъ ее прежде). Начала плакать надъ малютками, а жемчугъ такъ и сыплется у ней изъ глазъ; много наплакала жемчугу. Обратилась потомъ къ дьячку и говоритъ ему: «скажи своему царю: если хочетъ онъ меня видѣть, пусть завтра ночью придетъ сюда, и когда я влечу, то вели ему затворить двери, чтобъ я не могла вылетѣть; тогда и вели ему меня ловить; а иначе онъ меня никогда не увидитъ.» Сказала это, сдѣлалась опять уткой и улетѣла.

Приходитъ утро. Пришелъ дьячекъ во дворецъ и расска-

залъ царю все секретно. Вспомнилъ царь, что, прежде жена его, когда плакала, сыпался у ней изъ глазъ жемчугъ, а когда смѣялась, то бриліанты и пошелъ испытать это. Приходитъ къ царицѣ, началъ ее бранить. Царица заплакала, а изъ глазъ жемчугу нѣтъ. Потомъ онъ началъ ее утѣшать, шутить съ ней. Царица улыбалась, потомъ и засмѣялась, а бриліантовъ нѣтъ. Царь замѣтилъ это, и какъ только пришла ночь, пошелъ въ церковь и спрятался тамъ.

Приходитъ полночь. Вдругъ церковь освѣтило и влетѣла золотая утка, ударилась о полъ, сдѣлалась царицею и начала плакать о дѣтяхъ. Жемчугъ такъ и сыплется у ней изъ глазъ. Смотритъ царь и дивится. Пока дивился этотъ царь, она снова сдѣлалась уткой, улетѣла изъ церкви. На третью ночь царь опять пришелъ въ церковь. Въ полночь прилетѣла эта утка, принесла съ собой два пузырька: мертвой и живой воды. Сдѣлалась царицею, взбрызнула малютокъ живой и мертвой водой и они ожили. Лишь царица превратилась опять въ утку, хотѣла вылетѣть изъ церкви, царь притворилъ двери и началъ ее ловить. Летала, летала утка по церкви, устала, упала на полъ, сдѣлалась опять царицею и говоритъ царю: «ну, теперь я опять твоя!»—Царь очень обрадовался, началъ спрашивать у ней, отчего это случилось; она все рассказала. Царь взялъ ее и малютокъ во дворецъ, волшебницу приказалъ казнить; дочь ея отправилъ въ монастырь, а съ этой царицей сталъ жить да поживать.

(Записана С. И. Бочарниковымъ въ г. Зарайскѣ.)

КРАСАВИЦА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, собственно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, былъ купецъ. У него былъ десятилѣтній сынъ и необыкновенной красоты дочь.